

«Философов здесь никогда не было, Россия — это не страна философии»

ВАДИМ РУДНЕВ. Доктор филологических наук, семиотик, лингвист, филолог, культуролог и философ, ученик Юрия Лотмана. Автор 150 статей и более 20 монографий. Ответственный секретарь журнала «Логос» в 1997–2002 годах.

- *Начнем с момента появления «Логоса» в начале 1990-х. Как бы вы оценили общую ситуацию с философией в России в тот период?*

Видите ли, по профессии я не философ, я филолог, поэтому компетентно судить о состоянии дисциплины мне не по чину. И все же отмечу, что 1991, 1992, 1993-й — это, во-первых, годы превращения Валерия Подороги в очень заметную фигуру. Во-вторых, это время, когда стали переводить очень много текстов, в частности, французских философов. Дело в том, что я в целом оцениваю российскую философию очень низко. Философов здесь никогда не было, это не страна философии. В России была экзистенциальная, художественная философия с Достоевским и Толстым как главными действующими лицами. Хорошим философом в молодости был Алексей Федорович Лосев, написавший прекрасную книгу «Философия имени», но его быстро сломали и запретили заниматься философией. Трудно представить, как это возможно, как можно запретить человеку думать, но Лосев был так напуган, что, к большому сожалению, бросил философию, то есть стал писать то, что положено.

Самым сильным впечатлением в первом номере «Логоса» для меня стала работа философа и замечательного литератора Дмитрия Галковского. Он написал огромную книгу «Бесконечный тупик», фактически философский роман с героем. Но роман постмодернистский, где все запутано-перепутано и основано на системе цитат. Галковский — типичный русский философ, и заслуга Валеры и его друзей была в том, что они впервые опубликовали выдержки из этого огромного, величиной примерно с «Анну Каренину», труда. Сама публикация была небезупречной, хотя и учитывала мнение автора, но тем не менее произвела на меня очень большое впечатление. За рассуждениями о некоем философе в «Бесконечном тупике» следуют воспоминания из детства,

затем автор вдруг начинает комментировать свой комментарий, потом еще чей-то — такая запутанная постмодернистская штука. Редакция собрала все встречающиеся в романе упоминания Владимира Соловьева — очень злобные, остроумные, — а поскольку я не люблю русскую религиозную философию, мне это страшно понравилось. После этого мне дали весь тогда еще не опубликованный роман, и я с огромным удовольствием его прочитал и написал для «Логоса» большую рецензию, фактически статью — «Философия „русского литературного языка“ в „Бесконечном тупике“ Д. Галковского». Она вышла в четвертом номере «Логоса», и с тех пор мы стали дружить с редакцией.

Что касается других российских философов, то я вспоминаю слова директора замечательного издательства *Ad Marginem* Александра Иванова из интервью, которое он давал мне для «Логоса». Он сказал, что философия в современной России концентрируется не вокруг кафедр, но вокруг институций: журналов, маленьких сообществ и т. д. «Логос» как раз и был таким сообществом, публиковавшим если не мыслителей в высоком смысле слова, то интеллектуалов первого ряда, таких как Игорь Молчанов или замечательный феноменолог Владимир Калиниченко. Это высочайшего уровня тексты, пусть сам я не феноменолог, а специалист по Витгенштейну и аналитической философии.

• *Расскажите о своих профессиональных интересах в начале 1990-х.*

В Москву я приехал в 1990-м. Я непосредственный ученик Лотмана, то есть по образованию и профессиональной принадлежности я семиотик, хотя сейчас считаю это слово неадекватным и устаревшим. Занимался такими, в частности, вещами, как теория сюжета и т. п. После знакомства с Валерой и его друзьями я написал статью «Феноменология события» — возможно, слово «феноменология» возникло уже под влиянием знакомства с ними. Суть этой работы сводилась к тому, что хронологии в принципе не существует, а есть лишь один из множества способов представления события, причем периферийный. Например, человек не знает своей жизни от начала до конца: момента рождения он не помнит, а смерти никогда не узнает. Жизнь между этими точками — лишь набор фрагментов, лоскутов. Это я и называю феноменологией события. Наша же привычка считать хронологию, последовательное выстраивание эпизодов от начала до конца привилегированной формой представления событий — это христианская иллюзия, восходящая к традиции изложения жития святых: вот он родился,

семья пережила некий переворот, он пошел, он умер. А на самом деле (если в философии допустима эта формула) все не так. Я продолжал заниматься этой темой какое-то время, из чего постепенно сложилась книжка «Морфология реальности», изданная Валерой.

- *Какие журналы начала — середины 1990-х вы читали и считали для себя важными?*

У меня нет ответа, потому что старые журналы после того, что называется перестройкой, мы читать перестали. Во время перестройки все так называемые литературные журналы стали публиковать различные материалы, связанные с осмыслением советской эпохи: «Котлован» Платонова, литература по сталинизму, «Архипелаг ГУЛАГ» частями в разных изданиях. Страна с жадностью бросилась их читать, но в 1990-е годы эта эпопея постепенно угасла, что совпало с глубоким экономическим кризисом и задачей выживания после гайдаровских реформ января 1992 года. Вместе с тем мы тогда смотрели телевизор, во время путча 1991 года следили за новостями просто с утра до вечера. Возможно, поэтому интерес к журналам на какое-то время сошел на нет.

И тем поразительнее феномен «Логоса». Я помню, как Валера Анашвили, Игорь Чубаров и Олег Никифоров начинали, будучи еще студентами. Мы подружались в какой-то очень важный для всех нас период жизни. Для них — связанный с возникновением журнала. Сначала никто не отнесся к ним всерьез, а сегодня проекту уже более 20 лет, что для постперестроечной эпохи невероятно много. Среди массы возникавших и закрывавшихся журналов возвышались, конечно, «Вопросы философии», в которых я опубликовался лишь раз, и то в силу разрядки участника конференции по Витгенштейну. По-моему, «Логосу» как независимо-му философскому журналу до сих пор нет альтернативы. Да, есть «Метафизические исследования» в Петербурге, но это очень провинциальное явление. Есть неплохой журнал «Комментарии», но он публикует все подряд. И это, в общем, все.

- *Что из опубликованного в первых номерах «Логоса» оказалось для вас неожиданным?*

Таким для меня стал второй номер, в основном посвященный феноменологии, — в то время плохо известному мне направлению. До 1990 года я жил в Риге, работал журналистом в местном журнальчике «Даугава», который во время перестройки стал очень

популярным за пределами Латвии (тираж достигал 100 тысяч экземпляров — по тогдашним меркам цифра не очень большая, но заметная). В «Даугаве» я заведовал отделом культурологии, мною же и созданным. Собственно, по публикациям в нем редакция «Логоса» обо мне и узнала. Я публиковал собственные переводы небольших текстов с комментариями: лекции Витгенштейна впервые на русском языке, что-то из Куайна, работу Мура «Является ли существование предикатом?». Так что мне всегда была ближе другая традиция — аналитической и постаналитической философии. Поэтому первые номера «Логоса» были для меня связаны с некоторой ситуацией удивления.

Не помню, чтобы я с кем-либо их обсуждал, разве что с профессором Александром Грязновым из МГУ, которого считаю очень достойным человеком. Он написал две весьма приличные книжки по Витгенштейну — с поправкой на советскую эпоху, в которую они создавались. Он не был мыслителем, но был, во-первых, очень порядочным человеком, а во-вторых, настоящим специалистом, состоял в личной переписке со многими из философов. Мы с Валерой как-то приходили к нему на факультет с идеей вести в журнале совместную рубрику или что-то подобное. Потом Грязнов издал очень хорошую и важную антологию по аналитической философии.

- *Вы упомянули первые переводы на русский язык. Каких авторов вы для себя открыли с их помощью и в каких журналах они публиковались?*

Основной формой публикации переводов в то время оставались книги — например, вошедших тогда в моду французских философов, к которым я относился очень плохо. Я просто не понимал их целей, их языка, не понимал интенций Деррида или Бодрийяра, остававшихся мне совершенно чуждыми. Я ведь лишь наполовину философ, а на другую — психолог. Свою область я называю психосемиотикой, или — для большей доступности — философией психиатрии. Она отчасти смыкается с подходом Серла, использованным им, скажем, в книге «Открывая сознание заново» — с абсолютно других, разумеется, позиций, сама книга мне не нравится. Поэтому меня сильно раздражала общая одержимость французскими постмодернистами, я не находил в них никакого вкуса. Переоткрыл их для себя позже, уже в зрелом возрасте, когда после выхода «Анти-Эдипа» Делёза и Гваттари я понял, насколько это интересно. К этому времени я уже неплохо знал теоретиче-

ский психоанализ, и его критика, предложенная авторами этой книги, мне очень понравилась.

Если говорить о книгах, то в какой-то момент я познакомился с Александром Сосландом, автором блестящей работы «Фундаментальная структура психотерапевтического метода». Я считал ее лучшей из известных мне книг по философии, о чем сообщил какому-то журналу, опрашивавшему интеллектуалов на предмет наиболее актуальной философской книги 1990-х годов. Самым популярным ответом было, разумеется, «Бытие и время» Хайдеггера. Такая интересная временная петля: книга 1927 года стала важнейшим событием конца века после того, как Саша Иванов в 1997 году издал ее в переводе Владимира Бибихина. Перевод был очень странным, потому что, если вы знаете, для Бибихина почему-то было важным, чтобы страница русского текста совпадала со страницей немецкого оригинала. Этот был немного безумный проект, и книга производила несколько зловещий вид, но, в общем, перевод получился отличным. Хотя я всегда очень плохо принимал Хайдеггера, читать его было интересно.

• *Как, на ваш взгляд, менялся «Логос» в течение этих 20 лет?*

Серьезный перелом в истории журнала произошел в период конфликта между, с одной стороны, Валерой и, с другой стороны, Игорем Чубаровым и Олегом Никифоровым. Валера, на мой взгляд, справедливо считал себя главным редактором, а они полагали, что главных среди них быть не должно. У всех них менялись философские взгляды, все взрослели и выбирали свою судьбу, что и породило раскол на два «Логоса», между которыми мне приходилось выбирать. Я выбрал Валеру, потому что признавал его лидерство и сильный организационный талант. А то, что предложили Олег и Игорь, казалось мне менее убедительным.

В какой-то момент Валера пригласил меня на пост ответственного секретаря этого «Логоса» без Игоря и Олега. Так я и оказался на стороне канонического «Логоса» и в странной оппозиции «Логосу» апокрифическому, между которыми ощущалось очень сильное напряжение, даже личная враждебность, замешенная на предсказуемой ревности. Например, я по наивности отдал какой-то перевод Игорю до того, как мы с Валерой решили включить его в свой тематический номер. Когда я попросил Игоря вернуть перевод, он сказал, что не отдаст его мне. Это была еще эпоха пишущих машинок, поэтому мне пришлось ехать к переводчику, у которого, к счастью, нашелся еще один, совсем слепой экземпляр.

Номер был сделан, но приходилось преодолевать такие вот мальчишеские вещи.

- *Второй журнал тоже назывался «Логос»?*

Да, но выходил реже и был толще. Валерин «Логос» сохранил исходный подзаголовок «философско-литературный журнал», а Чубаровский был просто «философским журналом» — вот и вся разница. Но второй проект вскоре заглох, потому что Валера очень хорошо умел добывать деньги — одно время нас поддерживал бизнесмен и Валерин друг Модест Колеров, потом был грант от Фонда Сороса. В результате за год у нас вышло 12 номеров, что для тех времен дорозого стоило. Благодаря финансированию мы выходили строго в срок и распространялись по подписке. Чуть позже экономическая ситуация вынудила сократить периодичность до выхода раз в два месяца.

- *Почему, на ваш взгляд, некоторые журналы прекращали свое существование после одного-двух выпусков?*

Во-первых, из-за денег. Во-вторых, из-за нехватки интеллектуальных сил и ресурсов. Сегодня фундаментальная гуманитарная наука находится в глубочайшем кризисе. Не только в России, но и во всем мире. Ведь сейчас нет ни одного по-настоящему великого философа. Во всяком случае я не могу назвать ни одного. И великого психоаналитика нет, и филолога. Последний умер в 2005 году, им был академик Владимир Топоров. Мы переживаем межпарадигмальный период бурной интеллектуальной инфляции. Люди питаются разными текстами, теориями, за которыми спустя время обнаруживается пустота, все оборачивается пшиком. Проекты были, но философского журнала, хоть отчасти способного составить «Логосу» конкуренцию, не могу вспомнить. Были, например, журналы «Волшебная гора», «Эдип», «Комментарии». Последний, кажется, продолжает существовать, но в очень маргинальном виде.

С Валерой у нас был еще один проект — журнал «На посту», интересный, но очень дорогой, в отличие от «Логоса». С журналом «На посту» нам не повезло попасть под дефолт 1998 года. Уже сверстаный третий номер в великолепном макете так и не был напечатан. Модест Колеров выступил инвестором и этого проекта, но был вынужден отказаться от него из-за кризиса. Тогда мы все остались без работы, которая была максимально близкой к на-

стоящей журналистике: множество авторов, бескомпромиссная критика. Журнал в основном был посвящен книгам. Это была настоящая редакция, которой в «Логосе» никогда не было, главный художник — все как полагается. К сожалению, проект продержался всего полгода.

- *Каких ярких российских авторов из тех, кто публиковался в «Логосе» и «На посту», а равно тех, кто не успел или не захотел это сделать, вы могли бы назвать?*

Искать авторов никогда не было просто. Во-первых, в силу их принципиального отсутствия. Во-вторых, потому что мы не платили гонораров. Конечно, были исключения: например, Виктор Молчанов всегда присылал очень хорошие, четкие и ясные статьи. Но чаще приходилось изворачиваться, делать переводы. Например, у нас были очень хорошие номера по Витгенштейну, по философии Ливингстона, львовско-варшавской школе — как вы понимаете, почти целиком переводные. Не уверен, что смогу вспомнить конкретных авторов, помню лишь, что подбирать их всегда было непросто. К счастью, у Валеры был свой круг философов, друзей, регулярно участвовавших в его проектах: Михаил Маяцкий, Виталий Куренной, Николай Плотников, Руслан Хестанов.

Для меня сотрудничество с «Логосом» и Валерой было прежде всего фактором самоопределения. Когда знаешь, что если напишешь действительно хорошую статью, то Валера ее опубликует, это очень стимулирует. Я ведь не работал по специальности. На 15-лети «Логоса» я назвал себя бродячим философом. Все, что у меня было, — это книги, которые я писал и издавал. «Логос» служил для меня формой самовыражения, институционализации. Наша дружба с Валерой носила несколько странный характер — я все время подсовывал ему профессиональные тексты по психиатрии, пройдя мастер-класс и будучи дипломированным клиническим психиатром. Он все это терпел и до поры даже интересовался. Я ему очень благодарен, так как мои лучшие статьи, пожалуй, были опубликованы именно в «Логосе» примерно в 1998–1999 годы.

- *Как свидетель разных этапов развития «Логоса», расскажите немного о внутриредакционной жизни. Вы говорили, у редакции не было своего помещения?*

Да, редакцию заменяла маленькая Валерина квартирка, в которой он жил со своей тогдашней женой. Пока не было интернета, я про-

сто приходил к нему домой, и мы что-то обсуждали. Валера всегда гордился тем, что непосредственно работал с авторами: пил кофе, обсуждал темы будущих статей и номеров. «Редакционной» была сама жизнь: редакция была не местом работы, но формой существования. Я думаю, что в этом и состояла сильная сторона «Логоса» — неразрывное единство жизни и философии. Для меня в этом был очень важный жизнестроительный момент.

Я не знаю, как это получилось. Думаю, журнал породила сама странная ткань жизни в 1990-е годы, отторгавшая любые институционализированные отношения и систематическую организацию работы. Это была совершенно не наша стихия, поэтому темы рождались случайно, авторы были внезапными, но это был необычайно интересный и плодотворный период для журнала и всех нас. Например, у нас был номер под названием «Футбол». Сначала был один текст на тему, потом появился другой. В отличие от Валеры, я совсем не являюсь поклонником футбола, хоть и играл в него в детстве. Но я сказал: «Вы ничего не понимаете в футболе, а я за неделю напишу о нем статью, от которой вы все просто закачаетесь». Так появился мой текст «Метафизика футбола», который очень понравился Валерию, и сложился номер о футболе.

Когда появился интернет, мы практически перестали встречаться. Сейчас ведь у редакций зачастую нет потребности в офисе — все процессы координируются по электронной почте. Так что я просто регулярно получал тексты с ремаркой: «Пришла статейка, почитай, напиши какую-нибудь рецензию». Я лениво читал статейку и писал какую-нибудь рецензию. Кстати, я считаю своей заслугой, что за время нашего сотрудничества написал очень много рецензий, потому что это благородный жанр. Я писал о «Возвышенном объекте идеологии» Жижека, о любопытнейшей книге его жены Ренаты Салецл, ставшей нынче необычайно популярной, «(Из)вращения любви и ненависти». В общем, рецензировал все, что попадалось на глаза.

- *Можно ли говорить об особом круге создателей, авторов, читателей «Логоса»?*

По-моему, авторы в основном и были читателями, хотя на некоторых прилавках «Логос» я все-таки видел. Но писали главным образом для себя, и мне это кажется правильным. Что касается среды, то у Валеры была референтная группа, в которую к концу 1990-х, как я уже говорил, входили Плотников, Хестанов, Маяц-

кий и прежде всего Виталий Куренной. А до этого, когда в редакции были Игорь и Олег, они и были «средой» журнала.

Здесь нельзя не упомянуть первое московское философское издательство «Гнозис», в котором все мы работали. Членов редакции «Логоса» пустили туда совсем еще молодыми, но по-хорошему наглыми ребятами. Так сложилась редакционная среда сотрудников этого издательства. Валера Анашвили, Игорь Чубаров и Олег Никифоров проникли в «Гнозис» и захватили в нем власть. Прежнее руководство занималось уже совершенно безумными, хоть и очень интересными проектами, например изданием непомерным тиражом (10 тысяч экземпляров) так называемого «Тетра-Глоссума», то есть Евангелия от Матфея на четырех языках — древнегреческом, латыни, церковно-славянском и русском. В конце концов произошел бунт, прежнего директора сместили, и тогда главным редактором фактически стал Валера. Мне вся эта история не понравилась, и я демонстративно перешел на работу в «Художественный журнал».

Отношения внутри среды иногда бывали очень напряженными. Например, кто-то из авторов «На посту» написал довольно жесткую, даже хамскую (каких в журнале было большинство) рецензию на книжку, которую подготовил Чубаров, — «История феноменологии в России». Решив, что ее автором был я, Игорь направил на меня Валерия Суровцева из Томска, который, надо сказать, издает сейчас очень хорошую серию по аналитической философии. Суровцев опубликовал в апокрифическом «Логосе» огромную, ужасно злобную статью, которую и рецензией не назовешь, — грандиозный текст, посвященный разгромной критике всей моей витгенштейниады, то есть книги «Божественный Людвиг», комментариям к ней и всему тому, что я написал по Витгенштейну. Мы пришли в ужас, и Валера сказал: «Пиши критику». Но потом он сам же не стал публиковать написанное, потому что я был крайне резким. Позже Игорь по телефону сказал мне, что все это было не со зла, что мы все равно остаемся друзьями и так далее. Но это была явная месть, очень жесткая и эффектная, надо признать.

- *Что бы вы отнесли к числу бесспорных достижений «Логоса» за 20 лет его существования?*

Во-первых, факт выживания. Во-вторых, создание совершенно реальной альтернативы «Вопросам философии». Ведь последние, насколько я помню, строились следующим образом: одна интересная публикация в окружении текстов всех этих старых пней,

философствующих советских идиотов, которые как печатались, так и продолжают это делать сегодня. «Логос» аккумулировал вокруг себя все новые силы, какие были и не имели шанса пролезть ни в какие «Вопросы философии». Это был безусловный успех.

Залогом этого успеха в основном служил организационный талант Валеры, его удивительная стойкость и способность выживать в любых условиях. Во времена нашего сотрудничества это был действительно очень хороший живой журнал, под которым я подразумеваю простую вещь: интересные статьи, которые интересно читать. В таком журнале есть рецензии на живые, выходящие сегодня книги, у него есть некий бренд и имидж. Все эти черты были соединены в «Логосе». У нас был бренд, нас уважали и стремились у нас публиковаться. У нас были интересные статьи и рецензии на свежие книги, в том числе иностранные.

Проект «Логоса» всегда был непосредственно связан с Валериной издательской деятельностью, столь же безусловно успешной. Он издал сотни философских, научных книг — ничего подобного в России не было. И все это было так или иначе связано. Скажем, он издал два моих перевода Витгенштейна с комментариями к ним в виде трех маленьких разноцветных книжечек — это была внезапная идея, личный порыв. Вот эта глубокая персональность всего предприятия и кажется мне самым ценным в Валере. Это и есть философия — когда человек делает то, что ему хочется, что ему приятно, пишет и публикует то, о чем думает. А если не может напечатать — плюет на это и пишет дальше в надежде быть опубликованным позже. Такой была неповторимая и бесценная атмосфера в «Логосе» — именно такая, какой должна быть атмосфера философского кружка.

- *Были ли безусловные неудачи или нереализованные журналом возможности?*

Наверное, какие-то номера были менее удачными. Например, номер по львовско-варшавской школе был фактически сборником статей. Конечно, ценным, поскольку на вопрос своего ученика «Есть у вас что-то по львовско-варшавской школе?» я мог ответить: «У меня есть номер “Логоса”». Он ценен как готовая выборка текстов, но как номер журнала он мертв, в нем не было ничего, кроме механически объединенных текстов. Другие номера были заметно более удачными.

Повторюсь, что мы всегда существовали в условиях дефицита материалов, характерного для любого хорошего журнала, пере-

живающего вечное становление и поиск лучших авторов. Это одновременно сложная и очень продуктивная ситуация. Например, прислали вдруг из провинции статью. Некто Колотаев. Я вижу — интересная, хорошая статья, только слишком большая. Пишу автору (это уже были времена интернета): «Если хотите опубликовать, придется сократить». Он согласен. «А хотите, я вам пришлю свою книгу?» — продолжает. Я говорю: «Присылайте». Он прислал такую по-провинциальному большую, дико интересную книгу про «Что делать?» Чернышевского, в котором все персонажи оказывались гомосексуалистами. Ужасно смешная, остроумная и забавная книга. Автор — профессор Ставропольского университета, чуть моложе меня — приезжает в Москву, и я говорю: «Что вы там торчите в своем Ставрополе, переезжайте в Москву». Он говорит: «И перееду!» И переехал. Сейчас он здесь вполне благоденствует, правда, писать стал заметно хуже. Такие вот случаи пересечения в журнале живых судеб я считаю самым главным. А их в «Логосе» всегда было очень много.

- *Как «Логос» повлиял на профессиональную философию в России? Может быть, назовете какие-то неоспоримые свидетельства этого влияния?*

В пример могу привести только себя, так как больше никого не знаю. Еще, пожалуй, Виталия Куренного. «Логос» нас очень стимулировал. Это был живой авторитетный журнал, служивший источником вдохновения для всех, кто был к нему причастен. Говорить о философах вообще мне довольно трудно, так как я мало с кем из них общаюсь.